

Время и литература. Взгляд критика

ПОДЛИННОСТЬ ЖИЗНИ

— в творчестве Федора Абрамова

В КОНЦЕ ЗИМЫ сорок второго года, — вспоминает Федор Абрамов, — меня, тяжелораненого фронтовика, вывезли из блокадного Ленинграда на Большую землю. После долгих скитаний по госпиталям я наконец очутился у себя на родине — в глухих лесах Архангельской области... Время было страшное. Только что подсохшие степи юга содрогались от гула и грохота сражений — враг рвался к Волге, а тут, на моей родной Пинеге, шло свое сражение — сражение за хлеб, за жизнь. Снаряды не рвались, пули не свистели, но были «похоронки», были нужда страшная и работа. Тяжелая мужская работа в поле и на лугу. И делала эту работу полуголодные бабы, старики, подростки. Много видел я в то лето людского горя и страданий. Но еще больше — мужества, выносливости и русской душевной щедрости».

Было тогда Федору Абрамову двадцать два года, а сегодня ему — шестьдесят, время итогов, огляда и осмысления содеянного им в русской литературе... Так что давно был этот трудный год войны. Лишь в сорок восьмом году он закончил филологический факультет Ленинградского университета, с третьего курса которого ушел в народное ополчение. С 1956-го по 1960 год он заведует в университете кафедрой советской литературы. В 1958 году он публикует свой первый роман — «Братья и сестры» — о той незабываемой страде сорок второго, о страшном времени Родины.

Так впервые откроется нам Пекашинский мир: архангельская земля, верховья Пинеги, деревни, затерянные в лесах, островки обжитого, возделанного пространства, глубина русской, крестьянской жизни. Этот мир стал существенной частью моего знания о самих себе, о нашем национальном характере, нашем историческом опыте, о путях народной жизни в их предельной, неопровержимой конкретности.

Люди живут обыденно, час за часом и год за годом, подчиняясь вечному кругообороту труда, личных забот, страстей и надежд, поглощенные своим непрерывно ощущаемым, безостановочно движущимся бытием. Среди героев абрамовской прозы много таких. Иногда или чаще всего они думают, что История, все Значительное и Великое совершается где-то далеко, помимо них, под каким-то необыкновенным небом необыкновенными людьми, а они — всего лишь мелкая подробность, деталь, единица количества, и от каждого из них мало что зависит в общей панораме жизни и в торжественной, мерной поступи истории.

Такое будничное мироощущение естественно и не обязательно связано с заниженной самооценкой. Оно достигает многого, если не скользит поверх голов, как бы заранее превосходя их своим высшим разумением, а по добродушию, понимающее выбирает разные людей, разные сознания, разные душевные устроения и помыслы, разные счастья-несчастья.

Такой взгляд извне — взгляд объективного художника — не отдает никому безраздельного предпочтения. Он широк справедливости для всех, воспроизводя безмерную мощь обстоятельств, податливость, слабость и неустойчивую стойкость человека. Смотрите, говорит такой художник читателю, это и есть подлинный облик истории, это и есть история изо дня в день под обыкновенными небесами и, никакой другой, более исторической истории нет.

Такой угол зрения на человека и движение жизни близок Ф. Абрамову, хотя он никогда не претендовал на то, что пишет нечто историческое. Он не придавал своим романам эпического размаха и масштабности и не стремился к глобальным обобщениям. Он ни разу по сути не вывел свои сюжеты за пределы северо-русского крестьянского мира. И если о его книгах писали как о «народном эпосе» или «эпосе народной жизни», то имели в виду, должно быть, саму протяженность изображенного народного существования во времени. Для эпоса, оказывается, достаточно и одних пекашинских изб. Не потому ли, что в потоке времени, в вечной чередности смертей и рождений, смене поколений и обстоятельствах что-то сильное в самих основах северной деревни упорно не менялось и не разрушалось, передавалось дальше, не желая рассеяться или раствориться. От этой устойчивости народной жизни веет эпическим, но напрасно искать покоя под крышами Пекашина. Все, кажется, давно было; отшумело, отболело, зажило; согревшей, сочувствующей внутреннее око туманными картинами минувшего, рассуждай и рассуживай бестрепетно, а — невозможно. Кому — история, а Ф. Абрамову эти пекашинские годы — его жизнь; все это было на его веку — с ним или с теми, кого знал и любил; это было; отпынуло, но не успело остыть; мрыкнуло лица, исчерываются земные сроки, но остается залься все неутоленное, все недоумения, боли, обиды, тревоги, остается — если уметь слушать — призыв к разумности, к безрешному обращению с жизнью. Федору Абрамову даровано сердце, способное слышать эту боль и этот призыв.

Этот писатель знает и всривит, что, не прерывая монотонную житейскую борьбу вмешательством высоких чувств, жизнь отрубала б и ожесточилась. Уже для одного того стоило выстроить жизнь Пекашина с его окре-

стностями, чтобы оживали в нем эти тихие, но великие мгновения обыденной, напрягающейся жизни, возвращающие ей — даже под самым низким небом — радость человеческого праздника, человеческого родства и бескорыстной любви. История героев Ф. Абрамова знает только одну хронологию — хронологию истинно человеческих незабываемых событий и потрясений.

Первый день Михаила Пряслина после возвращения домой с лесозаготовок весь написан как событие. Написано, как Мишка с Егоршей причалили плот с сеном, как Мишка привез сено на двор, как хвалила мать, как разгружали, как брился, стриг заросших братьев, отмывался в бане... И много чего другого вместил этот Мишкин длинный день, и все в нем было молодостью, жизнью осмысленной, полной, страстной. Ни пустот бессмыслия, ни мнимого дела, ни безразботности души. И был посредности дня миг, когда собралась семья, притихли братья и сестры, и Михаил, посмеиваясь, извлек из своей корзины «кусочек голубого ситца с белыми горошинами», протянул Лизке, а Лизка вдруг расплакалась, как ребенок... Михаил «отвернулся, начал шарить банку с махрой», и не в силах была удержаться слезы мать. А потом Михаил еще одарил Лизку черными ботинками на резиновой подошве с парусиновым верхом, и это была уже такая радость, что ни вышло, ни сказочнее не придумать... Никого не забыл Михаил, а под конец выложил на стол буханку ржаного хлеба. От начальника лесопункта была буханка. Сказал начальник: «...помяните отца. Вмestях раньше работали». И помянули Пряслины; только младшим слово «отец» уже «ничего не говорило».

Вот одно из событий пряслинской жизни. Можно сказать, ее праздник — праздник осиротевшей, но не сломленной крестьянской семьи. Писатель убежден, что это — праздник, торжество святых чувств, хотя в тот весенний день сорок пятого, вскоре после войны, его герои вовсе не праздничны: светлое, хорошее мелькнуло, озарило и прошло, и недосуг будет оглянуться под все той же непонятнейшей ношей... Но писатель видит больше своих героев; им не дано взглянуть на себя со стороны, им трудно понять, какие они и каков смысл того, что с ними происходит. Взгляд Ф. Абрамова — восполняет эту неизбежно ограниченную правду, и потому невозможно ошибиться, что добро и что зло, и когда одно переходит в другое. И открывается в обыденном, бедном быту красота.

Но Ф. Абрамов — сдержанный художник; может быть, самый сдержанный во всей «деревенской прозе». С ним редко случается, чтобы он дал волю своей печали, своему умилению. Это жизнь, и люди в ней бывают «несдержанными», кричат и плачут. Он только следует за этой «несдержанностью» жизни, он иногда внимательнее к ней, чем другие. Слышит там, где другие не слышат.

Как повсюду, у Ф. Абрамова — сама подлинность жизни. Но подлинность иногда вызывает возражения; говорят об утомительной, надоевшей, даже оскорбляющей подлинности, о грубой натуральности фактов и языка. Под этим подразумевают: мы все это знаем, видели, слышали, все это нам наскучило, мы это переросли. Или: ныне все не так, ныне все новее, приятнее, и нечего нам портить настроение... Бывает также, что сетуют на скванную художническую фантазию, на пошлостное следование современных писателей натуре и т. п. Все эти упреки несдержанныны. Но главное все-таки состоит в том, что нет порой желания видеть реальное лицо жизни. А если взглянуть всерьез, то ничего-то, оказывается, не переросли, если и слышали, то кратмрача, если и

МОЩНАЯ ТЯГА к подлинности, ставшая на подлинность свойственными нашей лучшей «деревенской» и «военной» прозе совсем не случайно. Тут есть что-то парадоксальное: вроде бы современный человек необычайно осведомлен, «информационный взрыв» разрастается и т. п., но подлинности что-то не хватает, и в ней нуждаются. Слово подлинный облик мира дробится, распадается на кадры, монтируется, перемонтируется, туманится, ускользает, и только художник возвращает нам ощущение целого в его истинном порядке и смысле, и человек с его судьбой предстает в своей несомненной драматической достоверности. Подлинность в литературе не унижает и не оскорбляет нас; унижают и оскорбляют пошлость, фальшь, обман.

Ф. Абрамов с самого своего начала, с «Братьев и сестер», и по сей день уже в «Доме», ставит перед собой одну и ту же задачу: художественное воспроизведение подлинного мира. Писатель вступил в литературу, когда жизнь уже прорывала пелену превратных представлений о ней. Очерковая проза пятидесятых годов (В. Овечкин, Г. Трополюцкий, С. Залыгин и др.) позволила почувствовать реальное состояние деревенской жизни. Первый роман Ф. Абрамова унаследовал от этой прозы по сути одно: верность действительности и действительному человеку. Был унаследован и дух смелого анализа социальной жизни, но это стало очевидным позднее. Тогда же, в «Братьях и сестрах», писатель был занят

прежде всего тем, чтобы передать предельное напряжение народной жизни посреди войны.

Вспоминая об этом времени. Ф. Абрамов писал, что тогда, в сорок втором, ему посчастливилось увидеть своих земляков «во весь их богатый рост». Но «богатый рост» — редкая для Ф. Абрамова патетика. Обычно он обходится без нее.

Авторская тревога за судьбу своих героев, за их умонастроение показала в свое время чрезмерной и необоснованной. Годы подтвердили правоту писателя: принцип материальной заинтересованности в сельском хозяйстве давно уже действует и совершенствуется. Было понятно: что толку ходить «вокруг да около», когда нужно перво-наперво действительно заинтересовать людей, вернуть труду его цену и смысл. Однако давняя тревога рассеялась не до конца. По-новому отозвалась она в «Доме», романе о наших, семидесятых.

Чувство беспокойства и неудовлетворенности, живущее в романе, связано с меняющимся отношением пекашинцев к своему крестьянскому труду. С разрастаньем в нем формального, бездуховного элемента, с ослаблением или утратой инициативного, хозяйского начала.

ЗА ЧТО НЕ ЛЮБЯТ ныне в Пекашине бывшего своего любимца Михаила Пряслина? Да за работу! «Больно на работу жаден. Житья людям не дает», — объясняет Лиза Пряслина. — «Третий год сено в одиночку ставит... Раньше ведь как робили? До уладу. Руки грабли не держат — веревкой к рукам привяжи да греби. А теперь, как в городе: семь часиков на лугу потыркались — к избе. А нет — плати втридорога. Ну а Михаил, известно: сам убьешь и другим передыху не дам. Страда!.. Так, так теперь у нас... Раньше людей работа мучила, а теперь люди работу мучают...»

Может показаться, что практические, злободневные, сугубо материальные заботы так занимают писателя и его героя, что теснят и умяют собственное духовное бытие. Но представления о «духовности» и «духовном» иногда страдают излишней отрешенностью от обыденного содержания человеческой жизни и даже противопоставляются ему. Будто духовное — это некое свободное парение, и его не доставят тяжелые запахи земли. Художественный мир Ф. Абрамова духовно значителен, но начинается он неизменно — от земного трудящегося человека.

Кажется, вот узкоутилитарный, хозяйственный вопрос: как организовать списывание пашни в срединной и северной России? Очерк «Пашня живая и мертвая» (1973), написанный Ф. Абрамовым совместно с Антоном Чистяковым, насыщен цифровыми выкладками, фактами, разговорами с разными людьми, ссылками на статистику, на законы, на русскую литературу.

Возрождение русского поля... Нет, не только о том мысль, чтобы в таких-то и таких-то совхозах Новгородчины хозяйствовали рачительнее и перестали списывать бывшие пашни. Тут не цифры, как бы ни были они печально красноречивы, ядро очерка. Тут важнее всего, что нет для авторов земли пустой, бросовой, беспашенной. Нет земли ничьей. Это все «наша земля», повидавшая за свою многовековую историю «немало лиха», пропитанная «потом и кровью» в годы войны. Списывать землю — списывать заодно «и веру людей в труд на земле», списывать память о тех, кто отобрал эту землю у лесов, расчистил, вспахал, кормился сам и кормил других...

Богатство русского поля в понимании Ф. Абрамова проблема не столько хозяйственная, сколько нравственная и духовная. Мысль о возрождении земли давно уже одна из центральных в художественном мире писателя. Судьба его героев, жизнь их памяти и чувства неотделимы от судьбы русского поля. История поля — их общая история. Поле как бы выше корысти человека, оно — для всех.

Память о крепких людях, делавших «российское дело», оживает в рассказе «Мелвесья охота». «Не сама же Россия расплахиалась», — говорит там один из охотников. — «Кто-то ее расчищал от лесов, от дубрей». Но память о крепких людях — старике Корнее и его семи сыновьях — глуха и горька; то ли это было еще, то ли уже легенда; время постаралось, разгулялось, лишь дом Корнеев устоял, где ночуют охотники, да родничку ничего не сделалось. И слышится рассказчику в тишине «странный щемящий звук», словно родничок «звывает» к ним, к прохожим, новым людям...

Мир Абрамова вместил множество больших и малых событий, характеров, судеб. Он представляется нам одним из объективных художественных изображений жизни и трудового подвига русской деревни в военные и послевоенные годы. Поперемноженно представляются многие углы зрения — то добрейшей Лизы Пряслиной, то неизменно серьезного и честного Лукашина, то неопределенного, безжалостного к себе и другим Подозрева, то лихого, беспардонного Егорши, то главного своего героя Михаила Пряслина, — писатель добился редкой для нашей прозы полноты и сложности жизненной картины. Другие произведения Ф. Абрамова, восполняя эту картину, делают ее еще более объемной, исторически конкретной и неопровержимой подлинной.

Игорь ДЕДНОВ.